

Выходные данные:

Бочаров А.В. Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Научно-практическая конференция с международным участием. Екатеринбург. 24 ноября 2016 г. – Сб. статей. – Екатеринбург: УИУ РАНХиГС, 2016. С. 61-63

А.В. Бочаров
alexvoc@bk.ru

Трансформация понятия государственного суверенитета в современной политической науке и практике

В XXI веке получают новый импульс тенденции суверенизации и десоверенизации, которые заметно обновляют политическую карту мира, не прибегая к глобальным военным столкновениям. Одновременно дефиниция «государственный суверенитет» испытывает серьезную динамику содержательных изменений.

Доктринальное рассмотрение феномена суверенитета государства (относительно близкого к осовремененному пониманию) в политической науке ведет отсчет, как правило, с зарождения Вестфальской системы в середине XVII века. Невзирая на то, что «Вестфальская система в современном политическом дискурсе понятие весьма условное, политизированное и идеологизированное», ее актуальную научную и практическую ценность предопределил сформировавшийся в ней институт секулярного государства. «Средневековая модель мироустройства – *res publica gentium cristianurum* (республика христианских народов) постепенно трансформировалась» в модель «светского суверенитета и равновесия сил между светскими суверенными правителями» [1, с. 78-79].

Эрозия конвенциональности вестфальской концепции суверенитета стала отчетливо проявляться с последней четверти прошлого столетия и нашла отражение в междисциплинарных работах на стыке политической и экономической наук: «политэкономы все большее внимание стали уделять

возраставшей роли рынков и негосударственных акторов, которые часто были в состоянии бросить прямой вызов авторитету и ресурсам государственных институтов» [2, с. 108]. В академический оборот вошел труднопереводимый термин *Westfailure* британского исследователя международных отношений Сьюзен Стрендж, продемонстрировавшей перерождение государственного суверенитета, основанное на утрате его прежней внутренней незыблемости и предопределившее необходимость его сущностного переосмысления [3].

Вместе с тем, вестфальская семантика суверенитета проистекает преимущественно из внешнеполитической, международной составляющей, тогда как для релевантного раскрытия трендов суверенизации и десоверенизации не меньшее значение имеют их эндогенные компоненты.

Интерес в этой связи имеет значение, например, классификация теорий суверенитета, предложенная отечественным ученым Г.И. Мусихиным. Признавая неизбежность «эпистемологического релятивизма» эпохи постмодернизма и постструктурализма, опираясь на широкую источниковедческую базу зарубежной политологии, он условно разделил теории суверенитета на эмпирические и нормативные, дополнительно очертив для каждого вида внутригосударственный, государственный и межгосударственный уровни функционирования. Для объективности отмечу, что сам автор назвал приведенную классификацию «во многом – «насильственной» аналитической манипуляцией, так как в действительности невозможно провести четкие границы между различными теориями суверенитета» [4, с. 76].

Суверенитет как теоретико-практическую реальность невозможно познать без достаточного внимания к обратной тенденции – десоверенизации, которая развивается, как вариант, на примере цветных революций. Именно вокруг понятия суверенитет (его полного или частичного демонтажа) реализуются соответствующие революционные проекты в конце XX – начале XXI веков в некоторых странах Европы, постсоветского пространства и Ближнего Востока.

В российском политическом дискурсе доминирует «антисуверенная» трактовка природы цветных революций. Отправной точкой в 2000-х годах стало массовое употребление в медийном пространстве метафоры «суверенная демократия» - образа России, противостоящей политическому вмешательству извне. В дальнейшем каждый предполагаемый и реализованный факт цветной революции расценивался как, прежде всего, проявление десоверенизации («уважать суверенитет – это значит не допускать государственных переворотов, антиконституционных действий и незаконного смещения легитимных властей» [5], «суверенитет – это центральное понятие всей системы международных отношений [6]). Подчеркнуто осуждается «отказ от суверенитета в обмен на благосклонность сюзерена» [6], провозглашается недопустимость «торговли суверенитетом» [7]. Подчеркивается координируемая Россией роль СНГ на постсоветском пространстве в «организации процесса суверенизации» государств, «укреплении суверенитета» [8].

Но одним из провокативных факторов для цветных революций, на мой взгляд, является не только общепризнаваемое внешнее манипулирование, но и исходная «размытость» государственного суверенитета в его нормативном значении, его конъюнктурная адаптация под нужды относительно закрытой политической системы, трактовка суверенитета как «решающего политического влияния», преобладающего у исполнительной власти над законодательной, у одной политической партии над другими, у бюрократии над институтами гражданского представительства, что «можно легко обнаружить в недавней российской истории или текущей действительности» [4, с. 68-69].

В этой связи политико-правовое осознание суверенитета зачастую подменяется мифологизированным, которое вместо ценностей гражданской самоорганизации и свободной идентификации гражданина с государством основывается на искусственном делении на «своих» и «чужих», «идею исключительности собственного государства (нации, народа, религии, истории и т.д.)», «культивировании совершенства и безупречности», «убеждении в деградации творческих сил нации (государства, цивилизации) соперника» [9, с.

52]. Понятие суверенитета объявляется внедискуссионной самоценностью, становится символическим центром медийной среды, функционирующей по правилам агонального дискурса, «перерастающего в дискурс вражды и ненависти» [10, с. 11].

При этом нельзя не признать, что понятие государственного суверенитета в теоретическом и прикладном отношении в эпоху продолжающейся глобализации действительно не является статичным и подвергается разнонаправленным воздействиям. С одной стороны, мы наблюдаем устойчивый процесс делегирования самостоятельности национальных государств вовне, на международный, наднациональный уровень, к институциям, управляющим крупными межгосударственными объединениями.

С другой, - модификации суверенитета «изнутри» в различных странах способствует развитие общественного самоуправления, местного самоуправления, конституционно отделенного от государства, а также тренд на «новый регионализм». Кроме того, образуются и укрепляются новые центры влияния, помимо сугубо государственных акторов. Проявляется тенденция к большей гибкости суверенитета как научно-практической дефиниции. Эти и другие направления актуальны в рамках подробных научных исследований при условии достаточной защищенности последних от эмоционально-окрашенного политико-идеологического «шума».

Литература:

1. Зонова Т.В. Вестфальская система / Т.В. Зонова // Вестник МГИМО – Университета. – 2008. - № 1. - С. 78-80.

2. Ткаченко С.Л. Международная политэкономия – российская школа / С.Л. Ткаченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2015. - № 4. – С. 106-118.

3. Strange S. The Westfailure System // Review of International Studies. 1999. No. 25. Pp. 345–354.

4. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» / Г.И. Мусихин // Общественные науки

и современность // Общественные науки и современность. – 2010. - № 1. – С. 64-78.

5. Путин В.В. Интервью американскому журналисту Чарли Роузу для телеканалов CBS и PBS / Сайт Президента РФ. 29.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50380> (дата обращения: 06.11.2016).

6. Путин В.В. Выступление на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Сайт Президента РФ. 27.10.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151> (дата обращения: 06.11.2016).

7. Папченкова М., Прокопенко А. Кудрин предложил Путину снизить геополитическую напряженность / Ведомости. 30.06.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/05/30/642871-kudrin-putinu> (дата обращения: 06.11.2016).

8. Путин В.В. Ответы на вопросы журналистов по завершении рабочего визита в Киргизскую Республику / Сайт Президента РФ. 17.09.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52907> (дата обращения: 06.11.2016).

9. Ершов Ю.Г. Мифы в идеологии и политике / Ю.Г. Ершов // Социум и власть. – 2015. - № 5(55). – С. 48-53.

10. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Агональный дискурс современной политики памяти / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков // Дискурс-Пи: науч. журн. - 2015. - № 1(18). - С. 10-19.